

Нож

Ю. Шестопапов

Вообще, это будет какой-то странный рассказ. Герой в нём будет и, разумеется, не нож, а реальный человек. Но внешние события, как таковые, не будут играть в нём заметную, и правильнее даже сказать, основную роль, потому что действие будет больше относиться к внутреннему состоянию нашего героя, который по ходу повествования должен как-то разрешать свои сомнения и преодолевать страхи. Основной участник истории далеко не безупречный человек, в смысле, что он отнюдь не бесстрашный, но такой нормальный, обыкновенный человек со своими вполне человеческими достоинствами и слабостями. А так подумать, у кого их нет? У всех нас свои особенности, ангелов среди представителей рода человеческого не наблюдается. Так что не надо особо придирается к нашему герою. Может, имеет смысл понять его, и даже проявить некоторое великодушие к его вот таким обыкновенным человеческим качествам. Он ничем не лучше и не хуже других людей, насколько я знаю наше странноватое человеческое племя, претендующее (может, в какой-то части обоснованно) называться иногда разумным. Конечно, нам нравятся сказки, и мы любим идеализировать отдельные личности и делать из них героев и кумиров. Чем-то нас это привлекает, и это неплохо, если придаёт нам самим силу и заставляет следовать хорошему примеру. Но с другой стороны, надо также понимать, что мы-то обыкновенные люди, которые могут только в *какой-то* степени приобрести черты, которыми так чудесно украшены характеры и деяния выдающихся личностей и легендарных героев. И вот где-то здесь и лежит грань, которая и будет нашей путеводной нитью в предлагаемом рассказе. Или истории из жизни, кому как нравится.

* * *

В детстве я боялся ножа. Откуда взялся этот страх, я не знаю, но у меня такое ощущение, что он был со мной всегда. Нож казался мне страшным оружием, против которого мой детский ум и противопоставить-то ничего не мог. Я помню, как острое холодное лезвие обоюдоострого бандитского ножа, который мне довелось несколько раз видеть у ребяташек постарше и взрослых, не то что вселяло ужас, но какое-то бессилие и чувство неотвратимости, когда мне было лет пять. Я прямо ощущал, как такой нож проникает в тело, и режет, с нестерпимой острой болью, мою детскую плоть. Вот такие картины рисовало моё детское воображение. У отца был шрам на груди слева, в районе сердца, и я помню, что ещё совсем маленьким спрашивал, как он появился. И я не понимал, как отец мог так спокойно, и даже посмеиваясь, говорить о том, что заполучил его от ножевого ранения в молодости.

- «Смотреть надо лучше и соображать быстрее», - отвечал он на мой вопрос, как это случилось. А в детали не вдавался. Не то что там была какая-то тайна, а просто он не придавал значения этому случаю. Остался жив, и ладно; спасибо старшему брату, что не дал второй раз ударить, а потом дотащил до фельдшера. Это всё, что я знал об этом событии. И уже моё детское воображение добавляло детали, и все они были какие-то страшные, и не думаю, что правдоподобные. В жизни всё происходит проще, чем нам это, как правило, представляется. Даже самые неприятные вещи, или, наоборот,

радостные, случаются как-то обыденно. Хотя в последнем случае радость окрашивает событие в свои весёлые тона и это запоминается, и надолго. Вообще, я не хочу, чтобы рассказ воспринимался мрачно. Просто, такое действительно было, и не сказать о нём в контексте рассказа нельзя, иначе будет непонятно, о чём вообще идёт речь.

Будет неправильно думать, что я пассивно относился к возможности когда-нибудь заполучить удар ножом. Само по себе событие не казалось таким уж невероятным, и я слышал периодически, что кого-то «порезали». Ребята во дворе, а потом в начальных классах школы, иногда показывали приёмы, как можно уберечься от ножа, и я их внимательно анализировал. И каждый раз с разочарованием убеждался, что приём не спасал наверняка. Всё равно оставалось много возможностей и для повторного нанесения удара, и можно было легко повредиться во время первого удара, если неточно выполнить защитное движение. «Знатоки» также показывали, как надо правильно бить ножом, чтобы уж наверняка не промахнуться, но это только вселяло в меня дополнительную опаску, поскольку сам я никого не собирался резать - мои мысли были о защите. Один раз в меня бросал нож взрослый соседский парень, который ненадолго вышел из тюрьмы. Я успел упасть на землю, нож просвистел надо мной, а потом я быстро вскочил на ноги и дал дёру.

А ещё показывали разные фильмы, в которых героям по ходу дела приходилось разоружать противника с ножом. И всё у них получалось гладко, ловко, без всяких проблем. И такой всегда благополучный поворот дел вызывал разные мысли. С одной стороны, ну вот же, люди как-то справляются с вооружёнными бандитами, а с другой, какой-то внутренний голос подсказывал, что ведь это кино, в котором играют актёры, и всё у них заранее отрепетировано.

Как-то после просмотра фильма с эпизодом драки с ножом, я уговорил своего приятеля, Гену, попробовать самим, насколько правдоподобна сама идея разоружить вооружённого противника. Я где-то читал, что десантники для тренировки используют резиновые ножи. Ну, а мы просто нашли нетолстый садовый шланг, и отрезали от него по куску, имитируя холодное оружие. И начали пробовать, как это можно блокировать удар, да ещё и выбить нож. Но как-то у нас плохо получалось. Потом к нам присоединились ребята постарше, и испортили нашу затею. Еле удалось забрать куски шланга. Тем не менее, мы ещё несколько раз уединялись и пробовали отрабатывать приёмы. Что-то получалось, но всё равно чувства, что ты можешь контролировать ситуацию, не было.

Почему-то меня не пугал особо кастет. Для меня главное было, что не насмерть, а так я считал, что раз заживёт со временем, то как бы и волноваться нечего. Несколько раз мне приходилось сталкиваться с ситуацией, когда приставали ребята постарше, пугая кастетом. До драки дело не доходило, я умудрялся убежать. И только один раз мне не повезло. Я решил сократить дорогу из школы, и пошёл через небольшой парк. А там таких любителей сокращать дорогу поджидали хулиганистые ребята постарше, чтобы отбирать деньги. Ну, такие обыкновенные подростки-бандиты. Для наших мест событие довольно ординарное, но на сей раз была разница – это были какие-то залётные, скооперировавшиеся с местными хулиганами. Деньги я отдавать не собирался, а парк я знал как свои пять пальцев. Так что, увидев их и поняв, в чём дело, я тут же сорвался с места и нырнул в кусты. Он погнались за мной, но не всей толпой, а разделившись, и двое всё-таки сумели перехватить меня почти у дыры в заборе, через которую я собирался ускользнуть. Сзади наседали преследователи, и я, не останавливаясь, врзался

головой в живот одному из преграждавших дорогу. Руки были заняты – я держал школьную сумку, прижимая её к себе на бегу. Тот от неожиданности упал, но и я свалился вместе с ним. Я сумел сразу вскочить, но тут-то второй и ударил меня кастетом по голове. Я видел, как он наносил удар, но уже не успевал увернуться, только отдернул голову. Это движение, видать, мне и помогло. На моё счастье, довольно сильный удар пришёлся скользом. На ногах я устоял, и не медля, продолжил движение к спасительной дыре в заборе, через которую и выпрыгнул на проезжую улицу. В горячке я не чувствовал вначале боли, видел только, что крови течёт много. Но, в общем, всё обошлось вполне благополучно, кость не была повреждена, так что недели через две раны зажили. Но будь вместо кастета нож, я думаю, ситуация развивалась бы по другому. Однако пока случай проверить мою догадку не подворачивался, да оно и к лучшему.

* * *

Весной в шестом классе начались соревнования по лёгкой атлетике - я занимался в спортивной школе. Я бегал на средние дистанции, включая восемьсот метров. Особенность этой дистанции состояла в том, что раньше все участники забега стартовали вместе. Потом, через несколько лет, правила соревнований поменяли, и бегуны стали стартовать раздельно, каждый на своей дорожке, а в конце первого круга они сходятся и последний круг бегут вместе. А тогда мы все срывались со старта и бежали плотной группой. Восемьсот метров дистанция скоротечная, и каким придёшь в забеге, зависело от того, какое место займёшь в начале. Поэтому конкуренция всегда была жёсткая именно на первых ста метрах, которые приходится на поворот. Наверное, слишком жесткая, раз потом поменяли правила. Тренер ставил меня в забеги со старшими школьниками, на разных соревнованиях, так что частенько я бегал со старшеклассниками.

Один раз мы бежали кросс вдоль берега Иртыша, и местами дорожка пролегалась прямо по-над обрывом – весеннее наводнение размывало берег, он обрушивался, и поэтому иногда тропинка шла буквально в метре от края. Глиняный обрыв был крутой, но невысокий, самое большое метра четыре до воды, а внизу, у кромки реки, росли ивовые кусты. И вот когда мы пробежали в одном из таких мест, два парня из одной команды устроили мне типа «коробочки». Один встал впереди, а второй сбоку сзади, и начали отжимать меня к обрыву. У меня оставался только один выбор – резко отстать, отпустить их вперёд, чтобы отойти от обрыва. Я уже так и собирался сделать, поняв, что другого выхода нет, иначе они столкнут меня с обрыва, но не успел. Тот, который был сбоку, сделал мне подножку, и одновременно толкнул к обрыву. Толчка я не ожидал. Я ещё успел как-то сгруппироваться, летя вниз по глиняному склону, а потом начал цепляться за ветки тальника, и тем замедлил падение, но всё равно я скатился до самой воды, прекратив падение уже в сером речном илу, где в довершение моих бед ещё и измазался. Когда я выбрался наверх, забег был уже далеко. Бежать за ними не было смысла, и я пошёл пешком на финиш, как говорится, «мотая соплю на кулак», до того мне было обидно.

Потом я ещё раз падал, уже на дорожке стадиона. Подставили мне подножку в тесноте на старте специально или нечаянно, я не знаю. Но результат был обескураживающий. Я перекувыркнулся несколько раз на гаревой дорожке, и в кровь

разодрал и локти, и колени. Но на сей раз я не сошёл с дистанции, а побыстрее встал и побежал дальше. И даже нормально пробежал, по крайней мере, не последним. А это был не такой уж плохой итог для меня, всё же я был в шестом классе, а в забеге были старшекласники.

Для себя я ещё придумал такой способ уменьшить вероятность падения. Я посчитал, на сколько длиннее будет дистанция, если со старта я побегу по внешней дорожке. Оказалось, разница не зависит от радиуса круга, и определяется шириной всей беговой дорожки и как долго бежать по ней. В моём случае, если на обгон требуется метров пятьдесят-шестьдесят, разница составит метра три. Это немало, но как плата за уменьшение риска с этим можно было смириться. И я стал иногда пользоваться своей домашней заготовкой. Пока плотная группа бегунов жалась к бровке и каждый боролся за место под солнцем, я обходил всю группу по внешней дорожке и вставал во главе забега. А там уж как получится.

Тогда ко мне и пришло понимание, что раз уж я начал бегать восемьсот метров, мне не уберечься от падений и травм. Это только вопрос «когда». Я мог принимать меры предосторожности, накапливать опыт, придумывать тактику, но всё это могло уменьшить вероятность падения, но отнюдь не исключить его. Надо было или принять эту неизбежность, или прекратить бегать на восемьсот метров и другие дистанции, где участники бегут тесной группой. И я принял правила игры. Но что самое интересное, после этого на душе стало спокойно. Я выходил на старт готовым кувыркаться по дорожке, но тут же встать и бежать дальше, если я буду способен это сделать. Иногда участнику забега повреждали икру шиповкой, и в таких случаях из-за глубокой раны продолжать бег было невозможно; я несколько раз был свидетелем, как бегуны в таких случаях сходили с дистанции. Одним словом, я был готов к борьбе. Что бы ни случилось, сделаю всё возможное, что зависит от меня, а там уж как получится. Что будет, то будет - я это приму.

* * *

Моя проблема с боязнью ножа снова выплыла уже в восьмом классе. Я тогда работал грузчиком на комбикормовом заводе, и в силу характера производства – тяжёлая работа в грязи и пыли, в три смены - там было много бывших и будущих уголовников. Они периодически напивались, и иногда дрались, в том числе с ножами. Одного вообще чуть не зарезали, он долго лежал в больнице, но выжил. Мне запомнился такой эпизод. Как-то раз один из таких оголтелых вытащил нож в ответ на замечание Трифоныча успокоиться. Мужик он был уважаемый. Так вот, увидев нож, Трифоныч без затей схватил лом, стоявший неподалёку, и плашмя ударил им нападавшего. Тот так и рухнул. Что меня удивило, это спокойствие и будничность, с которыми была проделана эта незатейливая воспитательная процедура. И ещё я отметил, что и мне не было страшно при виде ножа. Может, сказались присутствие Трифоныча и его спокойствие, не знаю. Но страха не было, это точно.

А потом, уже в институте, я занимался боксом и каратэ. И в этих видах спорта ты принимаешь, по большому счёту, те же правила игры, что и на беговой дорожке. Выходя на ринг или татами, ты знаешь, что при любом раскладе тебе достанется удар, и не один. И ты готов к этому. Весь вопрос, как уменьшить их количество и нанести больше ударов самому.

Уже будучи студентом, довелось мне как-то работать в строительной шабашке в Омской области. Было нас всего шесть человек. Работа была довольно однообразной – мы строили типовые двухквартирные домики, работая в день едва ли не по двенадцать-четырнадцать часов. Не хватало материалов, надо было искать их самим, на это уходило время, и работа хоть и продвигалась, но всё больше с каким-то надрывом; того гляди, что скоро всё остановится. Но каждый раз мы как-то изворачивались, находили где-нибудь цемент или кирпич, транспорт, чтобы это доставить – не спрашивайте, как - и работа продолжалась. А трюк был в том, что денег нам практически не платили, за исключением небольшого аванса, а по договору обещали заплатить, когда мы закончим все три дома. То есть мы фактически были на крючке у руководства колхоза, и они нам, естественно, не помогали. Думаю, расчёт был, что мы всё равно не успеем построить, они нам не заплатят, а потом быстренько закончат строительство сами или наймут какую-нибудь строительную организацию. Договор заключал не я, но когда разобрался, что к чему, было уже поздно искать другую работу. И я решил остаться, надеясь непонятно на что, скорее всего, на чудо.

Мы жили в центральной усадьбе, но это было довольно унылое место. Обычно шабашки не такое скучное мероприятие, всё-таки молодые ребята, но эта была невеселой. Думаю, в основном из-за кабального договора и постоянных неувязок с материалами и техникой. Да и местное население по своей природе попало какое-то недружелюбное и угрюмое. Мы в этой деревне были нежеланные пришельцы, и это постоянно ощущалось по разным поводам.

И вот после трёх недель непрерывной работы у нас возник очередной перебой с цементом. Мы решили попытаться счастья в городе, который находился в ста двадцати километрах, а заодно устроить выходной. Четверо отправились в город, а двое, и я в том числе, остались караулить наше хозяйство и материалы. Местные быстро пронюхали об ослаблении нашего трудового коллектива, и воспользовались моментом. И как только наши товарищи уехали, к нам заявила местная шпана. И так получилось, что ответ пришлось держать мне. Один из них демонстративно поигрывал ножом, другие недвусмысленно показывали, что и у них есть холодное оружие.

Разговор происходил возле дверей школы, представлявшей собой небольшое здание с четырьмя классами и учительской. Здесь мы жили. А в коридоре при входе мы хранили инструмент, в том числе ломы. И я просто протянул руку за дверь, нащупал лом, и не торопясь вытянул его наружу. Взяв лом в обе руки, я спокойно сказал этому недоумку: «Убери нож, если хочешь говорить по человечески, а то я сейчас переломлю тебе хребет ещё до того, как ты успеешь «мама» сказать». И он смутился. А я спокойно и довольно миролюбиво продолжил: «Ребята, если есть проблема, давайте обсудим. Я, к примеру, понятия не имею, в чём дело». Они помаленьку разговорились, сначала с обиженными интонациями в голосе, а потом ничего. Оказывается, один из наших, уехавших в город, решил приударить за местной красавицей, а они якобы обиделись. На самом деле, судя по их поведению, да и вообще по всей обстановке в этой деревне, они просто искали повод, чтобы подраться с «городскими». Я поинтересовался, обидел ли он чем их королеву красоты. Оказалось, их заело, что она предпочла городского местным «орлам». В таком духе мы поговорили минут десять, и постепенно прониклись чем-то вроде взаимного уважения, а скорее, ощущением, что каждая из сторон готова отстаивать свои интересы до конца, и лёгкой победы ожидать не приходится. Порешили

на том, что если кто из наших обидит местных дам, и они попросят защиты, тогда будем разбираться, а пока оставим эти дела на усмотрение самих непосредственных участников. В общем, приличия были соблюдены, местных парней я в должной мере уважил. Тем в тот раз тогда и разрешился вопрос. Без происшествий в тот строительный сезон не обошлось, уж очень у местных был сильный зуд подраться, а когда ищешь повод, всегда найдёшь. Но это уже другая история, а в том эпизоде мы расстались мирно. Не скажу, что вид ножа развеселил меня, но и не напугал особо. Опаска была, но такая, разумная, когда не теряешь голову от страха, но просто собираешься и находишься в состоянии боевой готовности.

* * *

И так вот, мало-помалу, из меня уходил этот детский страх перед ножом. Ничего не бывает наверняка. Начиная любое дело, тем самым принимаешь возможность неудачи, поражения. Старайся сделать его лучше, и всё. Покажи, на что способен, подготовься, продумай всё что можно, не ленись! Это то, что реально можно сделать, это в моей власти. А там уж как получится. И с ножом то же самое. Не надо бояться, делай своё дело. Не получится – что ж, бывает. Смотреть лучше надо и соображать быстрее. Правильно, выходит, отец говорил.

Получилось, что кроме изучения, скажем так, теории, мне пришлось ещё и попрактиковаться в этом деле; причём изначально ситуация отнюдь не обещала такого развития событий. На ту пору я жил в студенческом общежитии, в южном районе Москвы Зюзино. Как-то ранней весной, уже вечером, я обнаружил, что у меня нет хлеба, и решил сходить в магазин.

На улице было темно. Пешеходные дорожки покрылись льдом, мои ботинки с подошвой для бесснежных регионов скользили как коньки на льду, так что вначале я даже подумал, не вернуться ли. Было тихо и немножко морозно, как бывает ранней весной перед скорым таянием снегов, как будто природа затаивается, замирает ненадолго, перед тем как начнёт шуметь весенняя капель, и, искрясь в лучах яркого весеннего солнца, зажурчат весёлые ручейки. Я шёл по тёмной пустой улице в сторону Балаклавского шоссе, возле которого был хлебный магазин. В ночной тишине отдавался хруст тонкого весеннего льда, когда я наступал на замёрзшие лужицы. Трудно сказать, зачем я пошёл, можно было вполне обойтись без хлеба. Скорее, просто засиделся и мне нужен был повод прогуляться.

Магазин был уже закрыт. Я постоял возле тёмной витрины, прислушиваясь к тишине, и раздумывая, стоит ли идти в другой магазин, и в итоге решил вернуться в общежитие. Минуту спустя я увидел, что мне навстречу идут два человека. Подойдя поближе, я разглядел двух крупных молодых мужчин, не спеша двигавшихся по обледенелой пешеходной дорожке. Проходя мимо них, я взял в сторону, но тут один из них неожиданно схватил меня за грудь и притянул к себе. Мужики явно искали приключений. Я знал, что делать в таких случаях. Вместо того, чтобы вырваться, я наоборот подался к нему, хватка его ослабла, и тут я ударил его в лицо и вырвался из его рук. Не стой я на льду, я бы тут же нанёс ещё несколько ударов, позиция была удобная, а напарник был позади него. Но было скользко, и я не стал испытывать судьбу, а повернулся и побежал в сторону Балаклавского шоссе. Адреналин делал своё дело. Мозги работали как компьютер. Сзади я слышал крики и топот погони. Я не мог быстро

бежать, всё-таки скользко, а у подошв моих ботинок совсем плохое сцепление на льду, я с ними всю зиму мучился. Так что я продолжаю бежать «на второй передаче», теперь уже по Балаклавскому шоссе. Здесь немного светлее от фонарей. Вижу довольно большой кусок оттаявшего асфальта, останавливаюсь и разворачиваюсь. Я встречаю авангард моей погони обманным движением левой и тут же, сразу, наношу прямой правой. Почти классика, как когда-то учил меня тренер по боксу Игорь Львович Миклашевский, отрабатывая этот удар со мной «на лапах», боксёрском тренировочном снаряжении. В эти доли секунды я успел разглядеть противника. Крупные мужики, этот на сотню потянет, пожалуй, и в таких делах я обычно не ошибаюсь. Но вот подоспела подмога, которую я встречаю уже ударом ноги в живот. Есть такой удар, называется йоко-гери, когда бьёшь ногой, ориентируя ступню в горизонтальной плоскости, пяткой немного вперёд. Хороший удар, надёжный, и заблокировать его не так легко. Этот второй чуть посуше, но тоже здоровый, чёрт. То-то они такие отважные, чувствуют свою силу. Пожалуй, с двумя такими мне будет сложно совладать, тем более первый уже снова в боевой готовности. Ладно. И я разворачиваюсь и бегу дальше по шоссе. Дорога идёт вверх. Снова нахожу оттаявший ото льда пяточок, и теперь первым прибывает тот, который пожилистей. Он теперь наготове. Мой удар ногой блокируется, но ногу он захватить не смог. Затем следует его удар правой - неплохой, кстати, кто-то же натренировал эту сволочь. Я уклоняюсь, и, как говорится, от всей души, с чувством, отвечаю боковым правой, вложив в него всё что полагается, силу и ног, и туловища, и руки, соединённые вместе одним движением. Я слышу под рукой характерный звук «хрясь», и понимаю, что акт возмездия состоялся. Снова разворачиваюсь и бегу дальше, на сей раз в надежде, что дело сделано. Но, к сожалению, я ошибся, так просто мне от них не отвязаться. Есть же настырный народ!

Я уже выбежал наверх, к спортивному магазину, когда понял, что преследователи не отстанут. Нахожу оттаявшее место и поворачиваюсь лицом к противнику. «Зарежу!» - с чувством прорычал громила, бросаясь не меня. Я ожидал чего угодно, но только не этого. Ну ладно, охота приключений, свербит желание подраться, мало ли таких любителей. Но этот и в самом деле вытащил нож. И ситуация мгновенно поменялась. Теперь мне было не до шуток, дело приняло серьёзный оборот. Из обыкновенной хулиганской драки дело грозило перерасти в убийство. А вот это мне уже совсем не понравилось. Не страх, но возмущение и какой-то приступ дикой злобы захлестнули меня. Хорошо, вас двое, чувствуете свою силу, и захотелось приключений. Я тоже хорош, не нашёл другого времени сходить за хлебом. У нас у всех, так сказать, «рыло в пуху», каждый несёт свою долю ответственности за инцидент. Но нападать с ножом - это перебор, совершенно неджентльменское нарушение этикета. Вот и пришёл момент, которого я когда-то так боялся. Но никакого страха не было, вся моя жизнь подготовила к этому. На поверку всё оказалось куда как проще, чем когда-то рисовало моё детское воображение. Обманное движение рукой и туловищем вправо от него, заставившее противника поднять левую руку, дикой силы «маваши», боковой удар ногой сбоку, под поднятую руку в районе сердца, и противник падает как подрезанный. Практически, всё. Мне даже думать не надо было - руки и ноги всё делали сами, автоматически, я только как бы со стороны наблюдал за своими действиями. У меня на память от этого события остались бывшие новые брюки с лопнувшей поперёк штаниной в районе ягодицы, когда я наносил удар. Брюки из-за характера повреждения оказалось невозможно починить, ремонту они не подлежали. Но я особо и не жалел. Вообще ни о чём не надо жалеть,

зачем тащить за собой груз упущенных возможностей и несбывшихся надежд? Он только помешает увидеть новые возможности, а они всё время появляются. Если смотреть.

Вот и вся история. Как я говорил в начале, никакой я не рыцарь без страха и упрёка. Я обыкновенный человек, со своими слабостями. Я делаю ошибки - как и все, впрочем. Одним словом, ничто человеческое мне не чуждо. Но я знаю, что мы, люди, многое можем. У нас достаточно и ума, и сил, но надо уметь правильно их использовать, надо учиться этому, верить в свои силы и свои способности, и не поддаваться на провокации тех, кто пытается всячески вселить неверие в наши силы, принизить нас. Таких особей, к сожалению, нам приходится встречать по жизни немало. И это могут быть не только отдельные люди, но и безликие системы и организации, и их суть тоже надо учиться распознавать.

Вообще, я думаю, что все эти герои без страха и упрёка сплошные выдумки. Нет их. А если есть, то это какие-то ненормальные, что-то у них не в порядке с психикой. А так, любой человек на многое способен, в том числе преодолеть свои страхи, какие бы они ни были. Что я знаю точно, ничего и никого не надо бояться. В любом случае от этого может быть только хуже, потому что страх, во всех его формах, парализует наши силы, и в первую очередь мыслительные способности. Понимать опасность и трезво оценивать её, это нормально. А панически, на животном уровне испытывать страх, этого нельзя допускать, от этого надо избавляться, иначе жизнь будет совсем неинтересной. Вся.